

Людвиг
ВИТГЕНШТЕЙН

Философские
исследования

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Людвиг Витгенштейн
Философские исследования

«Издательство АСТ»

1922

УДК 1(091)(410)
ББК 87.3(4Вел)

Витгенштейн Л.

Философские исследования / Л. Витгенштейн — «Издательство АСТ», 1922 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-107308-4

Людвиг Витгенштейн – британский философ австрийского происхождения, один из самых оригинальных мыслителей европейской философии XX века, создатель теории построения искусственного «идеального» языка, основанного на языке математической логики. «Своим сочинением я не стремился избавить других от усилий мысли. Мне хотелось иного: побудить кого-нибудь, если это возможно, к самостоятельному мышлению» – так точно, емко и просто сформулировал свое кредо ученого Людвиг Витгенштейн в предисловии к «Философским исследованиям» — работе, оказавшей огромное влияние как на аналитическую философию, так и на философию постмодернизма. В ней он попытался развить идеи, изложенные им в «Логико-философском трактате», и вновь избрал объектом своего изучения язык – обыденный язык повседневного общения. Описывая различные стратегии «языковой игры», которые все мы, сознательно или нет, используем, пытаясь в чем-то убедить собеседника, или воздействовать на него, добиться какой-то цели, или просто выразить свои мысли и чувства, он анализирует эту игру и пытается понять ее логику. Но, парадоксальный во многих своих утверждениях, Витгенштейн и здесь остается верен себе. Ведь если, по Витгенштейну, критерий смысла – всегда и только логика, то каков смысл языка, учитывая, что большая часть произносимого человеком в той или иной степени противоречит законам логики? В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(410)
ББК 87.3(4Вел)

ISBN 978-5-17-107308-4

© Витгенштейн Л., 1922

© Издательство АСТ, 1922

Содержание

Язык играет человеком, или реальность Витгенштейна	6
Философские исследования	8
От редакторов двуязычного немецко-английского издания 1958 г.	8
Предисловие	9
Часть I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Людвиг Витгенштейн

Философские исследования

Язык играет человеком, или реальность Витгенштейна

«Я мыслю, следовательно, существую».

Понадобилось несколько столетий, на протяжении которых европейские философы, вдохновленные знаменитой максимой Декарта, изучали сознание, разум, рацию, чтобы родилась новая формулировка, предложившая иную парадигму вместо обветшавшей картезианской.

«Я говорю, следовательно, существую».

Низвержение с высот, грубая проза, сугубая прагматика... Впрочем, таковой, после засилья средневековой схоластики, наверняка воспринималась и максима Декарта. Новая эпоха, новая культура, уже осемененная позитивизмом, фрейдизмом и начатками структурализма, требовала новой методологии. И наиболее остро эту потребность эпохи ощутил Людвиг Витгенштейн.

Правда, «Логико-философский трактат», при всей его «логичности» в структуре и семантике, еще тяготел к прежнему, классическому мировоззрению: в конце концов идеальный язык науки, о котором столько говорилось в «Трактате», отвергая всякую метафизику, все же представлял собой «трансцендентальную семантику», метафизический метод, восходящий, так или иначе, к философским идеям Нового времени. Минуло почти тридцать лет после публикации «Трактата» – лет, наполненных размышлениями и вместивших в себя преподавание в сельской школе, скитания по Европе, общение с членами Венского кружка, возвращение в Кембридж и чтение лекций студентам, работу санитаром в годы Второй мировой («в эту пору философии нет места, она бессмысленна и позорна»), – прежде чем Витгенштейн согласился опубликовать свою «зрелую» методологию, во многом не то чтобы противоречившую идеям «Трактата» или их опровергавшую, но прояснявшую, развивавшую и расширявшую положения «ЛФТ». Именно в этой «зрелой» методологии были заложены основы так называемой лингвистической революции, или лингвистического поворота, в философии, а метафизика во всех ее проявлениях утратила право на существование: «Значение есть употребление».

Философские воззрения Витгенштейна принято разделять на «ранний» и «поздний» периоды; первый, как считается, нашел свое воплощение в «Логико-философском трактате», ко второму же относятся «Философские исследования» (частично подготовленные к печати самим автором) и опубликованные посмертно, а также «Голубая книга» и «Коричневая книга» (записи лекций в Кембридже) и статьи. На самом деле принципиальное различие между этими периодами всего одно: если в «Трактате» Витгенштейн уповал как на панацею на некий идеальный, логически безупречный язык науки, способный устранить все возможные двусмысленности и непонятности, то позднее он рассуждал уже о языке естественном, повседневном, если угодно, бытовом. Столь важное для лингвистической философии понятие «языковой игры» относится именно к естественному языку – в идеальном языке науки подобное невозможно.

Что такое языковая игра? Если в «Трактате», по большому счету, рассматривались исключительно изъяснительные предложения («Нечто имеет место») и для них возможно вывести некую общую форму, то в поздних работах Витгенштейн наконец-то обратил внимание на следующее: основной корпус повседневного языка составляют не сообщения, что нечто имеет место, а просьбы, пожелания, вопросы, восклицания, приказы и т. д. Эти языковые ситуации и связанный с ними бытийный контекст он и назвал играми.

Здесь поневоле вспоминаются бессмертное «Что наша жизнь? – Игра» и самое, пожалуй, известное исследование игр как основы человеческой жизнедеятельности – «Homo Ludens» Й. Хейзинги. В предисловии к своей работе Хейзинга писал: «Есть одна старая мысль, свидетельствующая, что если продумать до конца все, что мы знаем о человеческом поведении, оно покажется нам всего лишь игрою. Тому, кто удовлетворится этим метафизическим утверждением, нет нужды читать эту книгу. По мне же, оно не дает никаких оснований уклониться от попыток различать игру как особый фактор во всем, что есть в этом мире. С давних пор я все более определенно шел к убеждению, что человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра»¹. Словно отвечая, Витгенштейн в «Философских исследованиях» пишет: «Я также назову языковой игрой целое, включающее язык и действия, с которыми он переплетен... Здесь термин «языковая игра» призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни».

Концепции «жизнь как игра» и «язык как игра» оказали сильнейшее воздействие на философию и гуманитарные исследования XX столетия (и продолжают плодоносить в новом веке). Применительно к изучению языка в числе «наследниц» методологии Витгенштейна прежде всего следует упомянуть теорию речевых актов, основоположником которой был профессор из Оксфорда Дж. Остин; книга Остина, излагавшая эту теорию, называлась «Как делать что-либо при помощи слов». По Остину, в языке существует ряд глаголов, перформативных глаголов, которые сами суть реальность: «Объявляю вас мужем и женой» – эта фраза не просто сообщает о факте, она и есть этот факт, поскольку говорящий одновременно говорит и делает, осуществляет это событие. Очевидно, что речевые акты являются разновидностью языковых игр; итогом развития этой теории стала так называемая перформативная гипотеза: она утверждает, что все глаголы языка перформативны, а любое высказывание представляет собой речевой акт, то есть языковую игру. Как справедливо замечает В. П. Руднев, «если перформативная гипотеза верна, это равносильно тому, что вся реальность поглощается языком и деление на предложение и описываемое им положение дел вообще не имеет никакого смысла»².

Иными словами, вполне можно считать, пока не доказано обратное, что мы живем в реальности языковых игр, а самой языковой игре, иначе – в реальности Витгенштейна.

Л. Добросельский

¹ Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс, 1992. Перевод с нидерландского В. Ошиса.

² Руднев В. Теория речевых актов // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.

Философские исследования *Перевод и примечания Л. Добросельского*

От редакторов двуязычного немецко-английского издания 1958 г.

Тот фрагмент текста, который обозначен ныне как часть 1, был закончен автором к 1945 году. Часть 2 была написана между 1947 и 1949 годами. Если бы Витгенштейн опубликовал свою работу самостоятельно, он наверняка сократил бы многое из того, что содержится на последних тридцати страницах части 1, и переработал бы часть 2, расположив материал в соответствии с замыслом.

Нам пришлось принимать решения касательно вариантов слов и фраз на всем протяжении рукописи. Но выбор ни разу не затрагивал смысл.

В тексте присутствуют «вкрапления», представляющие собой цитаты из других произведений Витгенштейна, которыми автор дополнял рукопись, не указывая, к какому именно пункту они относятся.

Слова в двойных скобках – авторские отсылки к параграфам настоящего текста или к другим работам Витгенштейна.

Последний фрагмент части 2 помещен на свое место исключительно по нашему решению. Комментарии редакторов приводятся в квадратных скобках.

Г. Э. М. Энскомб³, Р. Риз⁴

«Ueberhaupt hat der Fortschritt das an sich, dass er viel groesser ausschaut, als er wirklich ist»⁵.

Нестрой⁶

---

³ Энскомб Гертруда Элизабет (1919–2001) – британский философ, ученица Л. Витгенштейна, занималась философией познания, философской логикой и философией языка. Перевела на английский язык многие работы Витгенштейна, прежде всего «Философские исследования». Важнейшей собственной работой Энскомб считается монография «Намерение» (1957).

⁴ Риз Раш (1905–1989) – британский философ, ученик, друг и литературный душеприказчик Л. Витгенштейна. В частности, Риз подготовил к публикации, помимо «Философских исследований», такие работы Витгенштейна, как «Замечания к основаниям математики», «Философские заметки» и «Философская грамматика».

⁵ «Вообще с прогрессом обстоит так: он кажется намного значительнее, чем есть на самом деле» (нем.).

⁶ Нестрой Иоганн Непомук (1801–1862) – австрийский оперный певец, актер и драматург, за успехи и плодovitость в последнем качестве получивший прозвище «австрийский Шекспир», автор свыше 80 пьес, оказавший заметное влияние на австрийскую культуру.

Предисловие

Мысли, которые я публикую ниже, суть итог философских размышлений, занимавших меня минувшие шестнадцать лет. Они касаются многих предметов: понятий значения, понимания, суждения, логики, оснований математики, состояний сознания и прочего. Я записывал эти мысли как замечания, короткими абзацами, из которых иногда выстраивались довольно длинные цепочки, посвященные конкретной теме, а порой налицо внезапные изменения и резкие переходы к другим темам. Моим намерением изначально было собрать мысли воедино в книге, форму которой я представлял по-разному в разное время. Но важна не форма, а тот факт, что мысли должны переходить от предмета к предмету в естественном порядке и последовательно.

После нескольких неудачных попыток объединить итог размышлений в целое я понял, что никогда не добьюсь успеха. Мне никогда не написать что-либо лучше философских замечаний; мои мысли быстро теряют нить, если пытаться сосредоточиться на каком-то единственном предмете, вопреки естественным предпочтениям. И это, конечно, связано с самой природой исследований. Ведь последняя заставляет нас блуждать по просторам мышления во всех направлениях и крест-накрест. Философские замечания в этой книге суть считанное число набросков, сделанных мною во время этих долгих и путаных блужданий.

К одним и тем же или почти тем же предметам я подходил с разных направлений – и всегда делал новые наброски. Очень многие из них были весьма небрежными и скудными на подробности, со всеми недостатками, присущими эскизам дурного рисовальщика. Но когда от них избавились, осталось некоторое количество приемлемых, каковые теперь следовало расположить в порядке, иногда сокращая, чтобы при взгляде на них вам явился бы ландшафт. То есть на самом деле эта книга – лишь художественный альбом.

До совсем недавнего времени я отказывался от идеи опубликовать свою работу при жизни. Признаться, идея публикации раз за разом возрождалась, главным образом потому, что мне становилось известно: плоды моих размышлений (которыми я делился в лекциях, рукописях и дискуссиях), так или иначе неправильно понятые, тем или иным образом извращенные или разбавленные, получили широкое распространение. Это уязвляло мою гордость, и успокоить ее было отнюдь не просто.

Четыре года назад мне представилась возможность перечитать мою первую книгу («Логико-философский трактат») и объяснить его основные идеи. И внезапно мне подумалось, что я должен опубликовать старые и новые мысли вместе: последние могут быть восприняты верно только по контрасту с моим прежним образом мышления и на его фоне. [Предполагалось, что эта публикация состоится на немецком языке.]

Начав заново заниматься философией шестнадцать лет назад, я был вынужден признать серьезные ошибки, допущенные мною в моей первой книге. Мне помогла осознать эти ошибки – до степени, каковой я бы сам едва ли достиг, – критика, которой мои идеи подверглись со стороны Фрэнка Рамсея⁷, с кем я обсуждал их в бесчисленных беседах в последние два года его жизни. И даже больше, нежели этой – всегда неоспоримой и решительной – критике, я обязан тому, что преподаватель этого университета, г-н П. Страффа⁸, много лет неустанно внушал, оттачивая мои мысли. Этому стимулу я обязан наиболее последовательными рассуждениями данной книги.

---

⁷ Рамсей (Рэмси) Фрэнк Пламптон (1903–1930) – британский математик и философ, близкий друг Л. Витгенштейна, автор так называемой «теоремы Рамсея» и основоположник направления в математике, известного как «теория Рамсея» (изучение упорядоченности групп).

⁸ Страффа Пьеро (1898–1983) – итальянский экономист, коллега Витгенштейна по Кембриджу, создатель неоклассической теории ценности, переосмыслившей идеи Д. Рикардо.

Более чем по одной причине публикуемое мною будет иметь точки соприкосновения с тем, что пишут сегодня другие. Если мои замечания не выделяются неким характерным образом именно как мои, я не собираюсь притязать на них как на свою собственность.

Я обнародую их с двойственными чувствами. Не исключено, что этой работе выпадет жребий в наши скудные и темные времена пролить свет в чье-либо сознание, – но, конечно, это маловероятно.

Мне не понравится, если мои размышления избавят других людей от стремления думать. Если возможно, пусть они стимулируют других к их собственным мыслям.

Я был бы рад опубликовать хорошую книгу. Эта таковой не является, и время, когда ее можно было бы улучшить, прошло.

Кембридж, январь 1945 года

Часть I

1. «Cum ipsi (maiores homines) appellabant rem aliquam, et cum secundum eam vocem corpus ad aliquid movebant, videbam, et tenebam hoc ab eis vocari rem illam, quod sonabant, cum eam vellent ostendere. Hoc autem eos velle ex motu corporis aperiebatur: tamquam verbis naturalibus omnium gentium, quae fiunt vultu et nutu oculorum, ceterorumque membrorum actu, et sonitu vocis indicante affectionem animi in petendis, habendis, rejiciendis, fugiendisve rebus. Ita verba in variis sententiis locis suis posita, et crebro audita, quarum rerum signa essent, paulatim colligebam, measque jam voluntates, edomito in eis signis ore, per haec enuntiabam»⁹.

(Августин¹⁰, «Исповедь», I. 8).

Эти слова, как мне кажется, открывают нам сугубую картину сущности естественного языка. Картина такова: отдельные слова в языке именуют объекты – предложения суть комбинации подобных имен. В этой картине языка мы находим корни следующей идеи: всякое слово обладает значением. Это значение сопоставлено слову. Оно есть объект, который обозначается словом.

Августин не говорит о том, что имеется различие между видами слова. Описывая изучение языка таким образом, ты, полагаю, мыслишь прежде всего о существительных, наподобие «стол», «стул», «хлеб», и об именах собственных, и лишь во вторую очередь – об именах конкретных действий и свойств; а прочие виды слов кажутся чем-то, что должно само о себе позаботиться.

Но подумай о следующем использовании языка: я отправляю кого-то за покупками. Я даю записку, в которой сказано «Пять красных яблок». Он передает записку владельцу лавки, который открывает ящик с пометкой «Яблоки», затем ищет в таблице слово «красный» и выявляет образец этого цвета, потом произносит последовательность количественных числительных – я предполагаю, что он знает их наизусть – до слова «пять», и для каждого числа берет из ящика яблоко того же цвета, что и образец. Именно так, схожим образом, человек использует слова. – «Но откуда он знает, где и как ищется слово «красный» и что нужно сделать со словом “пять”»? Что ж, я допускаю, что он *действует*, как описано выше. Объяснения рано или поздно заканчиваются. – Но каково значение слова «пять»? – Тут подобное не рассматривается, лишь способ использования слова «пять».

2. Это философское понятие значения имеет свое место в примитивном представлении о том, как функционирует язык. Но можно также сказать, что здесь налицо идея языка, более примитивного, чем наш.

---

⁹ «Когда они (старшие) называли некий объект и по этому слову двигались куда-либо, я видел это и запоминал, что предмет, названный произнесенным ими словом, называется именно так, что они подразумевали и своими жестами. Их намерения были ясны по движениям тел, как бы естественному языку всех народов, по выражениям лиц, по игре глаз, по движениям иных частей тел и по тонам голосов, выражающих состояние души, каковая ищет, получает, отвергает и избегает чего-то. Так, слыша повторяющиеся слова в их надлежащих местах в разных предложениях, я постепенно приучился понимать, какие объекты они обозначают; и после того как принудил свои уста производить эти знаки, я стал употреблять их, чтобы выразить свои собственные». Перевод в сноске выполнен по авторскому переводу латинского текста. В цельном виде этот отрывок из «Исповеди» гласит: «Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называется именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигивания, разных телодвижений и звуков, выражающих состояние души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал соображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания. Таким образом, чтобы выразить свои желания, начал я этими знаками общаться с теми, среди кого жил» (лат.) – Перевод М. Е. Сергеенко.

¹⁰ Августин Аврелий (Блаженный, 354–430) – христианский богослов и философ, причисленный к лику святых как в католической, так и в православной церкви, один из Отцов Церкви, автор таких известных по сей день сочинений, как «О граде Божием» и «Исповедь».

Давай вообразим язык, для которого описание, данное Августином, справедливо. Язык предназначен служить средством общения между строителем *А* и его помощником *Б*. *А* работает с камнем: блоки, столбы, плиты и балки. *Б* передает камни мастеру, причем в порядке, который необходим *А*. Для этой цели они пользуются языком, состоящим из слов «блок», «столб», «плита», «балка». *А* называет слова, *Б* подает камни, имена которых выучил. – Будем считать это полноценным примитивным языком.

3. Августин, мы могли бы сказать, в самом деле описывает систему общения, однако не все, что мы называем языком, относится к этой системе. И это следует иметь в виду во многих случаях, когда возникает вопрос: «Это подходящее описание или нет?» Ответ: «Да, подходящее, но лишь для данной узко ограниченной области, а не для всего того, что вы стремились описать».

Как если бы кто-то сказал: «Игра заключается в перемещении объектов по поверхности в соответствии с определенными правилами...» – а мы бы ответили: «Вы, кажется, имеете в виду настольные игры, но ведь есть и другие». Ваше определение будет корректным, если вы ограничите его упомянутыми играми.

4. Вообрази письменность, в которой буквы обозначают звуки, а также являются знаками ударения и пунктуации. (Письменность можно понимать как язык для представления звуковых образцов.) Теперь вообразим, что некто трактует эту письменность как простое соотношение букв со звуками, словно буквы лишены совершенно иных функций. Августиново понятие языка во многом подобно такому чрезмерно упрощенному понятию письменности.

5. Если оценить пример из § 1, мы, возможно, начнем осознавать, насколько общее представление о значении слова замутняет функционирование языка, не позволяя видеть ясно. – Мгла рассеивается, если изучать феномен языка в примитивных его проявлениях, когда четко определены назначение и употребление слов.

Ребенок использует подобные примитивные формы языка, когда учится говорить. Здесь обучение языку является не объяснением, но тренировкой.

6. Мы могли бы предположить, что язык из § 2 является языком *А* и *Б* во всей его полноте, языком всего племени. Детей учат *выполнять* эти действия и *использовать* эти слова, сопровождая действия, и реагировать *таким* вот образом на слова других.

Важная часть тренировки будет состоять в том, чтобы обучающий указывал на предметы, обращая на них внимание ребенка, и одновременно произносил какое-либо слово; например, слово «плита», указывая на плиту. (Я не хочу называть это «наглядным определением», поскольку ребенок еще не может спросить, каково имя объекта. Я назову это «наглядным обучением словами». – Я скажу, что оно является важной частью тренировки, потому что так заведено у людей, а не потому, что нельзя предположить иначе.) Это наглядное обучение словами, можно сказать, устанавливает связи между словами и предметами. Но что это значит? Что ж, это может означать многое; но весьма вероятно, что прежде всего мы подумаем: образ предмета возникает в сознании ребенка, когда он слышит конкретное слово. Но если это действительно так, каково тогда назначение слова? – Да, назначение слова может заключаться именно в этом. – Я могу вообразить подобное использование слов (последовательностей звуков). (Произнести слово – будто взять ноту на клавиатуре воображения.) Но в языке из § 2 назначение слов вовсе не в том, чтобы вызывать образы. (Хотя, конечно, может выясниться, что образы помогают достигнуть истинной цели.)

Но если наглядное обучение стремится к подобному результату, вправе ли я сказать, что оно способствует пониманию слова? Понимаешь ли ты команду «Плита!», если действуешь по ней так-то и так-то? – Несомненно, наглядное обучение помогает добиться результата, но лишь в сочетании с определенной тренировкой. При иной тренировке наглядное обучение теми же словами привело бы к совершенно отличному пониманию.

«Я привожу в действие тормоз, соединяя стержень с рычагом». – Да, если задан весь остальной механизм. Только в сочетании с ним это тормозной рычаг, а сам по себе рычагом не является; может быть чем угодно или ничем вообще.

7. В практике употребления языка (2) один называет слова, другой действует в соответствии с ними. При обучении языку происходит следующее: учащийся *именует* предметы, то есть произносит слово, когда обучающий указывает на камень. – Имеется и более простое упражнение: учащийся повторяет слова за обучающим; и оба процесса похожи на язык.

Можно также представить весь процесс употребления слов в языке (2) как одну из тех игр, посредством которых дети изучают родной язык. Я назову эти игры «языковыми играми» и буду иногда рассуждать о примитивном языке как о языковой игре.

И процессы именования камней и повторения слов за кем-либо тоже можно назвать языковыми играми. Вспомним частые употребления слов в играх наподобие хороводов. Я также назову языковой игрой целое, включающее язык и действия, с которыми он переплетен.

8. Теперь рассмотрим расширенный вариант языка (2). Помимо четырех слов («блок», «столб» и т. д.) внедрим в него слова, используемые так, как владелец лавки (1) использует последовательности числительных (это может быть ряд букв алфавита); далее допустим, что два слова, например «туда» и «это» (поскольку примерно таково их назначение), используются в сочетании с указательным жестом; наконец введем некоторое число цветовых образцов. А отдаст распоряжение: «d плит – туда». Одновременно он показывает помощнику образец цвета и, произнося «туда», указывает на место на стройплощадке. Из запаса плит *Б* берет по одной на каждую букву алфавита до «d», того же цвета, что и образец, и несет на место, указанное *А*. – В других случаях *А* распоряжается: «Это – туда». Произнося «это», он показывает на строительный камень. И так далее.

9. Изучая подобный язык, ребенок должен выучить ряд «цифр» – а, b, c... *А* также научиться их применять. – И эта тренировка будет включать наглядное обучение словами? – Что ж, люди могут, например, указывать на плиты и считать: «а, b, c плит». – С наглядным обучением словам «блок», «столб» и т. д. схоже наглядное обучение числительным, которые служат не для счета, а для обозначения групп предметов, охватываемых беглым взглядом. Дети на самом деле обучаются таким способом использованию первых пяти или шести количественных числительных.

А употреблению «это» и «туда» тоже обучают наглядно? – Вообразите, как можно было бы научить употреблению этих слов. Некто указывает на места и предметы – но в данном случае указание *включено в употребление* слов, не только в обучение их употреблению.

10. Теперь спросим, что же *обозначают* слова этого языка. – Что позволяет выявить обозначаемое ими, если не способ их употребления? И мы уже его описали. Значит, выражение «Это слово обозначает *это*» должно стать частью описания. Иначе говоря, описание должно иметь форму: «Слово... обозначает...»

Конечно, можно свести описание употребления слова «плита» к утверждению, что это слово обозначает вот этот предмет. Именно так и поступают, когда, например, нужно устранить ошибочное применение слова «плита» к строительному камню, на самом деле представляющему собой «блок», – но при этом очевидно, что способ «соотнесения», то есть использования данного слова в остальном уже известен.

Схожим образом можно сказать, что знаки «а», «b», и т. д. обозначают числа, когда требуется, например, устранить ошибочное представление, будто «а», «b», «с» играют в языке роль, сопоставимую с ролью слов «блок», «плита», «столб». И еще можно сказать, что «с» означает вот это число, но не то, чтобы объяснить, что буквы должны использоваться в порядке «а, b, c, d» и т. д., а не в последовательности «а, b, d, c».

Однако уподобление описаний употребления слов подобным образом не делает сходными сами эти употребления. Ведь, как мы видим, они совершенно различны.

11. Представим инструменты в ящике мастерового: молоток, клещи, пила, отвертка, линейка, банка с клеем, клей, кисточка, гвозди и винты. – Функции слов столь же разнообразны, как и функции этих предметов. (Но в обоих случаях налицо и сходства.)

Конечно, нас сбивает с толку внешнее подобие слов, когда мы слышим их в речи или видим в письме или в печати. Ведь их *применение* не дано нам столь ясно. Особенно когда мы философствуем!

12. Это как заглянуть в кабину локомотива. Мы видим рукоятки, более или менее похожие друг на друга. (Что естественно, поскольку все они предназначены для того, чтобы брать за них рукой.) Но одна из них – пусковая рукоять, которую ведут плавно (она регулирует открытие клапана); другая – рукоять переключателя, у которого всего два рабочих положения: он либо включен, либо выключен; третья – рукоять тормоза, которую чем резче тянешь, тем сильнее торможение; четвертая – рукоятка насоса: она действует, только когда двигаешь ее туда-сюда.

13. Когда мы говорим: «Каждое слово в языке что-то означает», мы тем самым не говорим *ничего вообще*, если не объясняем в точности, *какое* различие хотим провести. (Возможно, конечно, что мы захотели отличить слова языка (8) от слов, «не имеющих значения», подобных тем, что присутствуют в стихах Льюиса Кэрролла¹¹ или в таких словах, как «Лиллибулуро»¹² из одноименной песни.)

14. Вообразим, что кто-то говорит: «Все инструменты служат тому, чтобы что-либо изменять. Так, молоток меняет положение гвоздя, пила – форму доски, и так далее». – А что меняют линейка, банка с клеем или гвозди? – «Наше знание о длине предмета, температуре клея, прочности ящика». И чего можно достичь подобным истолкованием выражений?

15. Слово «обозначать», возможно, употребляется наиболее прямым образом, когда обозначаемый предмет помечается неким знаком. Допустим, инструменты, которыми *А* пользуется при строительстве, имеют определенные метки. Когда *А* показывает своему помощнику такую метку, *Б* приносит инструмент с нужной меткой. Схожим или более или менее подобным образом имя означает нечто и дается предмету. – Для философии часто оказывается полезным говорить себе: именование чего-либо схоже с наклеиванием ярлыка.

16. А что насчет цветовых образцов, которые *А* показывает *Б*, – являются ли они частью *языка*? Можете считать, как вам удобнее. Они не относятся к словам; и все же, когда я говорю кому-то: «Произнеси это слово “это”», человек сочтет второе «это» частью предложения. А ведь оно играет ту же роль, что и цветовые образцы в языковой игре (8); то есть является образцом того, что другой собирался сказать.

Вполне естественно и менее всего запутывает причисление образцов к инструментам языка.

((Замечание к возвратному местоимению «это предложение»..))

17. Возможно сказать: в языке (8) мы имеем различные *типы слов*. Ведь функции слов «плита» и «блок» более схожи, чем функции слов «плита» и «d». Но способ, каким мы группируем слова по типам, зависит от цели классификации – и от наших собственных намерений. Подумай о различных точках зрения, с которых можно классифицировать инструменты или шахматные фигуры.

18. Не следует тревожиться по поводу того, что языки (2) и (8) состоят сугубо из последовательностей. Если ты полагаешь, что именно поэтому они неполны, спроси себя, полон ли

¹¹ Кэрролл Льюис (Чарльз Л. Доджсон, 1832–1898) – британский писатель, математик и логик, автор знаменитой «Алисы», стихотворений и многочисленных работ по основам математики и логическим задачам. Витгенштейн, очевидно, имел в виду такие языковые бурлески Кэрролла, как стихотворение «Бармаглот» из «Алисы в Зазеркалье» и поэму «Охота на Снарка».

¹² «Лиллибулуро» – британский военный марш, первоначально ирландская джига, аранжированная выдающимся английским композитором Г. Перселлом (Известна и французская версия, «Марш принца Оранского», аранжированная Филидором-старшим и Ж.-Б. Люлли.) В этой песне через строчку повторяется «бессмысленный» рефрен «Лиллибулуро буллен а ла».

наш язык; был ли он таковым до внедрения в него химических символов и знаков для исчисления бесконечно малых величин – ведь последние, так сказать, суть пригороды нашего языка. (И сколько зданий или улиц понадобится, прежде чем город станет городом?) Наш язык можно описать как древний город: лабиринт переулков и площадей, старых и новых зданий, домов с пристройками разных периодов, окруженный множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и типовыми домами.

19. Легко вообразить язык, состоящий только из приказов и донесений в битве. – Или язык, состоящий лишь из вопросов и выражений подтверждения и отрицания. И неисчислимо множество других. А вообразить язык значит вообразить форму жизни.

Но что насчет этого: возглас «Плиту!» в примере (2) является предложением или словом? – Если словом, тогда, разумеется, оно имеет совсем другое значение, чем похоже звучащее слово нашего повседневного языка, поскольку в § 2 это – призыв. А если оно – предложение, оно безусловно не эллиптическое предложение «Плиту!» из нашего языка. – Применительно к первому вопросу, можно назвать возглас «Плиту!» словом и предложением; возможно, точнее назвать его «выродившимся предложением» (как говорят о выродившейся гиперболе); это и есть наше эллиптическое предложение. – Но это, разумеется, лишь краткая форма предложения «Поддай мне плиту», а такое предложение в примере (2) отсутствует. – Но почему я не должен, напротив, назвать предложение «Поддай мне плиту» *удлинением* предложения «Плиту!»? – Потому что, крикнув «Плиту!», вы на самом деле имеете в виду «Поддай мне плиту». – Но как ты это делаешь, что имеешь в виду, произнося «Плиту!»? Проговариваешь ли ты для себя несокращенное предложение? И почему я должен переводить возглас «Плиту!» иными выражениями, чтобы пояснить, что им подразумевается? А если они обозначают одно и то же, почему я не могу сказать: «Когда он говорит: “Плиту!”, то имеет в виду “Плиту!”»? Или: если можно подразумевать «Поддай мне плиту», почему нельзя подразумевать «Плиту!»? Но, когда я требую: «Плиту!», я на самом деле хочу, *чтобы мне подали плиту*. – Безусловно, однако заключено ли «желание этого» в помысливании, в той или иной форме, предложения, отличного от произнесенного?

20. Но теперь все выглядит так, будто, когда кто-то говорит: «Поддай мне плиту», он может осмысливать это выражение как одно длинное слово, соответствующее отдельному слову «Плиту!». – Значит, порой возможно употребить одно слово, а порой – три? И как обычно осмысливают это выражение? – Думаю, мы склонны говорить: мы подразумеваем предложение из трех слов, когда желаем противопоставить его другим предложениям, таким как «Дай мне плиту», «Поддай *ему* плиту», «Поддай *две* плиты» и т. д.; то есть противопоставляем предложениям, содержащим отдельные слова нашего в иных комбинациях. – Но в чем состоит использование одного предложения в противопоставление другим? Возможно, другие присутствуют в сознании говорящего? *Все* сразу? И *пока* произносится предложение, или до того, или после? – Нет. Даже если подобное объяснение кажется соблазнительным, нам должно лишь подумать, что происходит на самом деле, чтобы увидеть, что мы ступили на ложный путь. Мы говорим, что используем призыв в противоположность другим предложениям, так как *наш язык* содержит возможность этих других предложений. Человек, не понимающий наш язык, иностранец, которому нередко доводилось слышать требование: «Поддай мне плиту!», мог бы счесть эту последовательность звуков единым словом, соответствующим, быть может, обозначению «строительного камня» в его языке. Случись ему самому затем отдать этот приказ, он, вероятно, произнес бы его иначе, и мы бы сказали: он произносит это необычно, потому что принял приказ за *одно* слово. – Но не следует ли из этого, что нечто иное творится и в его сознании, когда он отдает этот приказ, – нечто, соответствующее тому обстоятельству, что он принял предложение за *одно* слово? – Или же в его сознании происходит то же самое? Ведь что творится в твоём сознании, когда ты отдаешь такой приказ? Сознаешь ли ты, что предложение состоит из трех слов, *когда* его произносишь? Конечно, ты *владеешь* этим языком, кото-

рый содержит и все прочие предложения, но *проявляется* ли это владение в тот самый миг, когда ты произносишь предложение? – Ведь я признал, что иностранец, вероятно, произнесет предложение иначе, если он осмысливает его по-своему; но то, что мы назовем ошибочным восприятием, *не обязательно* заключено в том, что сопутствует произнесению приказа.

Предложение эллиптическое не потому, что опускает нечто, о чем мы думаем, произнося его, но потому, что оно укорочено – по сравнению с определенными правилами нашей грамматики. – Конечно, можно возразить: «Вы допускаете, что сокращенное и несокращенное предложения обладают одинаковым смыслом. – И каков же тогда этот смысл? И существует ли для него словесное выражение?» Но разве тот факт, что предложения имеют одинаковый смысл, не означает их одинакового употребления? – (По-русски говорят «Камень красный» вместо «Камень есть красный»; и ощущают ли они отсутствие глагола-связки или *мыслят* его при произнесении?)

21. Вообрази языковую игру, в которой А спрашивает, а Б отвечает о количестве плит или блоков в штабеле или о цвете и форме строительных камней, сложенных в таком-то и таком-то месте. – Подобный ответ мог быть таким: «Пять плит». И в чем же различие между ответом или утверждением «Пять плит» и приказом «Пять плит!»? – Что ж, различие в роли, которую произнесение этих слов играет в языковой игре. Без сомнения, тон голоса, каким произнесены слова, и выражение лица говорящего, и многое другое также будут отличаться. Но мы можем вообразить, что тон одинаков – ведь и приказ, и ответ можно произнести *множеством* тонов и с разными выражениями лица, – то есть различие проявляется лишь в применении. (Конечно, мы могли бы использовать слова «утверждение» и «приказ», чтобы обозначать грамматические формы предложения и интонацию; мы называем предложение «Сегодня отличная погода, не правда ли?» вопросительным, хотя оно употребляется как утверждение.) Можно представить себе язык, в котором *все* утверждения имеют форму и тон риторических вопросов; или каждый приказ – форму вопроса «Не желаете ли?...» Тогда, вероятно, можно будет сказать: «То, что он говорит, имеет форму вопроса, но на самом деле это приказ», – то есть выполняет функцию приказа в практике использования языка. (Так же говорят: «Вы сделаете это», не предрекая, но приказывая. Что делает предложение тем или другим?)

22. Идея Фреге¹³ о том, что каждое утверждение содержит допущение, или признание возможности утверждения, на самом деле опирается на находимую в нашем языке возможность записать любое утверждение в следующей форме: «Утверждается, что то-то и то-то имеет место». – Но высказывание «то-то и то-то имеет место» *не является* предложением в нашем языке – пока оно не станет *ходом* в языковой игре. И если я пишу не: «Утверждается, что...», но: «Утверждается: то-то и то-то имеет место», слово «Утверждается» становится попросту лишними.

С тем же успехом можно было бы записать любое утверждение в форме вопроса с последующим утверждением; например: «Идет дождь? Да!» Доказывало бы это, что всякое утверждение содержит вопрос?

Конечно, мы вправе использовать знак утверждения в противоположность вопросительному знаку, например, или если хотим отличить утверждение от вымысла или предположения. Ошибочно полагать, что утверждение состоит из двух действий, обдумывания и утверждения обдуманного (привнесения истинностного значения или чего-то подобного), и что при осуществлении этих действий мы следуем за пропозициональным знаком сходно с тем, как поем по нотам. Чтение написанного предложения, громко или тихо, и вправду можно сравнить с пением по нотам, но не «обдумывание» (осмысление) прочитанного предложения.

¹³ Фреге Готлоб (1848–1925) – немецкий математик, философ и логик, разработал логику предикатов, ввел основополагающее для семиотики различие между смыслом и значением.

Знак утверждения Фреге отмечает *начало предложения*. Таким образом, его функция сходна с функцией точки. Он отделяет период в целом от суждения *внутри* периода. Если я слышу, как кто-то говорит: «Идет дождь», но не знаю, услышал ли я начало и конец периода, это суждение само по себе не способно что-либо мне сообщить¹⁴.

23. Но сколько существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос и приказ? – Нет, их *бесчисленное* множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем «символами», «словами», «предложениями». И эта множественность не является чем-то устойчивым, заданным раз и навсегда; новые типы языка, новые языковые игры, как мы можем сказать, возникают постоянно, а другие устаревают и забываются. (*Приблизительную картину* этих перемен показывают изменения в математике.)

Здесь термин «языковая игра» призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни.

Рассмотрим многообразие языковых игр на следующих и других примерах:

- Отдавать приказы и подчиняться —
- Описывать внешний вид объекта или его размеры —
- Создавать объект по описанию (чертежу) —
- Сообщать о событии —
- Обсуждать событие —
- Выдвигать и проверять гипотезу —
- Представлять результаты эксперимента в таблицах и схемах —
- Сочинять истории и читать сочиненное —
- Играть на сцене —
- Петь хороводные песни —
- Отгадывать загадки —
- Придумывать шутки и делиться ими —
- Решать арифметические задачи —
- Переводить с одного языка на другой —
- Спрашивать, благодарить, бранить, приветствовать, молить. —

Интересно сравнить разнообразие инструментов языка и способов их применения, многообразие типов слов и предложений с тем, что говорят о структуре языка логики (включая автора «Логико-философского трактата»).

24. Если не принимать во внимание разнообразие языковых игр, возможно, возникнет склонность задавать вопросы наподобие: «Что такое вопрос?» – Это утверждение, что я не знаю того-то и того-то, или же утверждение, что я желаю, чтобы другой сообщил мне нечто? Или это на самом деле описание моего психического состояния неуверенности? – А крик «Помогите!» можно назвать таким описанием?

Подумай, сколько всего называют «описанием»: описание положения тела в пространстве посредством координат; описание выражения лица; описание ощущения прикосновения; описание настроения.

Конечно, вполне возможно заменить обычную форму вопроса утверждением или описанием: «Я хочу узнать...» или «Я сомневаюсь, что...», – однако это не приведет к сближению различных языковых игр.

---

¹⁴ Вообрази рисунок, изображающий боксера в конкретной позиции. Этот рисунок можно использовать, чтобы объяснить кому-то, как нужно стоять, как держаться или же какую позу не следует принимать; или как конкретный человек стоял в таком-то месте; и так далее. Опираясь на язык химии, можно назвать эту картину суждением-радикалом. Именно так Фреге думал о «допущении».

Важность подобных возможностей преобразования, например, превращения всех утверждений в предложения вида «Я думаю» или «Я верю» (то есть тем самым в описания моего душевного состояния) станет яснее в другом месте. (Солипсизм.)

25. Иногда слышишь, что животные не говорят, поскольку им недостает умственных способностей. Это означает: «Они не думают и именно поэтому не говорят». Но на самом деле они просто не говорят. Или, точнее: они не пользуются языком – если мы исключим наиболее примитивные формы языка. – Приказывать, спрашивать, рассказывать, болтать – в той же степени часть нашей естественной истории, что и ходьба, еда, питье, игра.

26. Думают, что изучение языка состоит в именовании предметов. То есть: людей, форм, цветов, болезней, настроений, чисел и т. д. Повторимся – именование схоже с наклеиванием ярлыков. Можно сказать, что оно предвещает употребление слова. Но к *чему* оно подготавливает?

27. «Мы именуем предметы и затем говорим о них, можем ссылаться на них в разговоре». – Как если бы наши дальнейшие действия заданы простым поименованием. Как если бы все сводилось лишь к «разговору о предметах». На самом деле наши действия с предложениями чрезвычайно разнообразны. Возьмем сугубо восклицания, с их совершенно различными функциями.

Воды!

Прочь!

Ой!

Помогите!

Пожар!

Нет!

Ты еще склонен характеризовать эти слова как «имена объектов»?

В языках (2) и (8) не предусмотрено вопросов о том, что как называется. Именование, вместе с его коррелятом, наглядным определением, можно сказать, является самостоятельной языковой игрой. Это означает следующее: нас воспитывают, учат спрашивать: «Как это называется?» – и в ответ звучит имя. Также существует и языковая игра изобретения имен; следовательно, мы говорим: «Это...» и затем используем новое имя. (Так, например, дети дают имена своим куклам и затем говорят о них и с ними. Подумайте в этой связи, насколько своеобразно употребление имени человека, когда мы к нему *обращаемся!*)

28. Теперь можно наглядно определить имя собственное, название цвета, название материала, имена чисел, сторон света и так далее. Определение числа два, «Это называется “два”» – с указанием на два ореха, – является безукоризненно точным. – Но каким образом можно определить два само по себе? Человек, которому дается это определение, не знает, что именно другой называет «два»; он предполагает, что «два» есть имя, присвоенное *данной* группе орехов! – Он *может* так предположить, но, возможно, подумает иначе. Он может и совершить противоположную ошибку, приняв имя, которым я наделил эту группу орехов, за числительное. И схожим образом может принять имя человека, которому я даю наглядное определение, за название цвета, расы или даже стороны света. Иными словами: наглядное определение можно толковать различно в *каждом* случае.

29. Быть может, ты скажешь: «два» возможно определить наглядно лишь *следующим* образом – «Это *число* называют “два”». Слово «число» здесь показывает, какое место в языке, в грамматике мы отводим этому слову. Но это означает, что слово «число» должно быть объяснено, прежде чем станет понятным наглядное определение. – Слово «число» в определении на самом деле показывает место и роль, которые мы отводим данному слову. И можно предотвратить недоразумение, сообщив: «Этот *цвет* называют так-то», «Эту *длину* называют так-то» и так далее. То есть: недоразумения порой предотвращаются подобным образом. Но разве у слов «цвет» и «длина» всего один *способ* применения? – Что ж, они просто нуждаются в опре-

делении. – Значит, в описании посредством других слов! И что насчет последнего определения в этой цепочке? (Не говори: «Не существует последнего определения». Это все равно что сказать: «На этой улице нет последнего дома; всегда можно построить еще один».) Насколько слово «число» необходимо в наглядном определении, зависит от того, понимают ли без него другие это определение так, как хочется мне. А это будет зависеть от обстоятельств, при которых дается определение, и от человека, которому оно дается.

И то, как он «принимает» определение, отражается в употреблении им указанного слова¹⁵.

30. Таким образом, можно сказать: наглядное определение объясняет употребление – значение – слова, когда полноценная роль этого слова в языке очевидна. То есть если я знаю, что некто хочет объяснить мне слово, обозначающее цвет, наглядного определения «Это называется сепия» будет достаточно для понимания. – И так можно говорить, пока мы помним о множестве проблем, связанным с выражениями «знать» и «быть очевидным».

Следует уже что-то знать (или быть в состоянии узнать), чтобы оказаться способным спросить об имени. Но что именно нужно знать?

31. Когда показывают кому-то шахматного короля и говорят: «Это король», человек не узнает способы использования фигуры – если только не изучил заранее правила игры вплоть до последнего пункта, формы фигуры. Можно допустить, что он изучил правила игры, никогда не наблюдая фигур воочию. Форма шахматной фигуры соответствует здесь звуку или форме слова.

Можно также допустить, что некто обучался игре, не изучая и не формулируя ее правила. Он, возможно, сначала освоил довольно простые настольные игры, наблюдая за другими игроками, а затем перешел к более сложным. Ему также можно было бы объяснить: «Это король», – если, например, показать одновременно шахматные фигуры непривычной формы. Это объяснение вновь учит его лишь пользоваться данной фигурой, поскольку, скажем так, место для нее уже подготовлено. Или даже так: мы скажем, что объяснение обучает его применению фигуры, если место уже подготовлено. И в данном случае все именно так не потому, что человек, которому мы объясняем, уже знает правила, но потому, что он уже освоил игру в другом смысле.

Рассмотрим дополнительный пример: я объясняю кому-то, как играть в шахматы, и начинаю с указания на шахматную фигуру и слов: «Это – король; он может ходить так...» и так далее. – В данном случае мы скажем: слова «Это король» (или «Эта фигура называется “король”») являются определением, только если обучающийся уже «знает», «что такое фигура в игре». То есть он уже играл в другие игры или наблюдал за другими людьми, которые играли, и «понял» – и *тому подобное*. Далее, лишь при этих условиях он будет в состоянии осмысленно спросить при изучении игры: «Как это называется?» – называется именно в игре.

Мы можем сказать: только тот, кто уже знает, что с этим делать, осмысленно спрашивает о названии.

И можно допустить, что человек, которого спрашивают, отвечает: «Подберите имя сами», – и тому, кто спросил, придется решать самостоятельно.

32. Посещая чужую страну, человек порой изучает язык местных жителей по наглядным определениям, которыми они делятся; и нередко ему приходится догадываться о значении этих определений; и догадки будут иногда верными, а иногда ошибочными.

¹⁵ 1 Можно ли определить слово «красный», указывая на то, что не является красным? Это как если объяснять слово «скромный» тому, кто слабо владеет языком, и, указав на высокомерного человека, сообщить: «Этот человек не скромный». Двусмысленность не является доводом против подобного метода определения. Любое определение можно понять неправильно. Но можно уточнить: по-прежнему ли это считается «определением»? Ведь, пусть оно оказывает то же практическое воздействие, то же влияние на обучающегося, само выражение уже играет иную роль в исчислении, согласно которому мы обычно используем «наглядное определение» слова «красный».

Теперь, думаю, мы можем сказать: Августин описывает изучение естественного языка так, словно ребенок попал в чужую страну и не понимал, о чем говорят вокруг; то есть словно он уже владел языком, но другим. Или иначе: словно ребенок уже умел *думать*, но не умел говорить. И «думать» здесь означает что-то наподобие «разговаривать с собой».

33. Предположим, однако, что нам возражат: «Не верно, что вы уже должны овладеть языком, чтобы понять наглядное определение; все, что вам нужно – разумеется! – это знать или догадаться, на что указывает человек, дающий объяснение. Будь то, например, форма предмета, его цвет или число и так далее». – А что означает «указывать на форму» или «указывать на цвет»? Укажи на листок бумаги. – А теперь укажи на его форму – на цвет – на число (звучит нелепо). – Как ты это делаешь? – Скажешь, что «имел в виду» всякий раз нечто отличное. И если я спрошу, как это было сделано, ты ответишь, что сосредоточил внимание на цвете, форме и т. д. Но я спрашиваю снова: *как* это было сделано? Допустим, кто-то указывает на вазу и говорит: «Взгляните, какой восхитительный голубой цвет – форма не важна». – Или: «Взгляните на изумительную форму – цвет не имеет значения». Несомненно, в каждом случае вы сделаете в ответ на приглашение что-то отличное. Но всегда ли ты делаешь то же самое, когда обращаешь внимание на цвет? Представим различные случаи. Вот лишь некоторые: «Этот голубой такой же, как и тот? Вы видите разницу?» Ты смешиваешь краски и говоришь, что «трудно добиться синевы этого неба».

«Распогоживается, снова видно голубое небо».

«Видишь, эти два оттенка синего смотрятся различно». «Видите синюю книгу вон там? Принесите ее сюда». «Этот голубой сигнальный огонь означает...»

«Как называется этот оттенок синего? – Это “индиго”?» Порой обращают внимание на цвет, прикрывая рукой очертания формы, или не смотрят на очертания, или разглядывают предмет и стараются вспомнить, где видели этот цвет раньше.

Порой обращают внимание на форму, очерчивая ее контуры взглядом, или отводят взгляд и смотрят искоса, чтобы цвет не мешал восприятию, или многочисленными иными способами. Я хочу сказать: подобное происходит, *когда* человек «направляет внимание на то или на это». Но вовсе не эти способы сами по себе вынуждают нас говорить, что кто-то проявляет внимание к форме, цвет, и так далее. Схожим образом ход в шахматах состоит не просто в перемещении фигуры таким-то способом по доске – и не просто в мыслях и чувствах того, кто совершает этот ход: важны обстоятельства, которые мы называем «разыгрыванием шахматной партии», «решением шахматной задачи» и так далее.

34. Но предположим, что кто-то говорит: «Я всегда поступаю одинаково, когда проявляю внимание к форме: мой глаз следует за очертаниями, и я чувствую...» И предположим, что этот человек дает еще наглядное определение: «Это называется «круг», указывая на круглый объект и испытывая все эти ощущения, – разве тот, кто слышит, не в состоянии истолковать определение отлично, даже при том, что он видит, как взгляд другого следует очертаниям предмета, и даже при том, что он ощущает то же, что и говорящий? Иначе: это «истолкование» может также состоять в том, как он теперь применяет слово, например, на что указывает, когда его просят: «Укажите на круг». – Ибо ни выражение «применять определение так-то и так-то», ни выражение «интерпретировать определение так-то и так-то» не обозначают процесс, сопровождающий дефиницию и ее восприятие на слух.

35. Конечно, имеется то, что можно назвать «характерными ощущениями», скажем, при указывании на форму. К примеру, можно обводить пальцем контуры или следить взглядом за движением пальца. – Но это происходит далеко не во *всех* случаях, когда «подразумевают форму», и далеко не во всех случаях налицо какой-либо иной характерный процесс. – Кроме того, даже если что-то подобное и повторяется во всех случаях, это зависит от обстоятельств – то есть от того, что произошло прежде и произойдет после указания, – чтобы мы могли сказать: «Он указал на форму, а не на цвет».

Ведь выражения «указывать на форму», «обозначать форму» и так далее не употребляются таким же образом, как *следующие*: «указывать на эту книгу» (а не на ту), «указывать на стул, а не на стол» и так далее. – Только вообрази, сколь различно мы *учимся* употреблять выражения «указывать на этот предмет», «указывать на тот предмет», и, с другой стороны, «указывать на цвет, а не на форму», «обозначать цвет» и так далее.

Повторим: в определенных случаях, особенно когда указывают «на форму» или «на число», возникают характерные ощущения и способы указания – «характерные» потому, что они повторяются часто (но не всегда), когда форма или число «подразумеваются». Но известно ли тебе также о характерном переживании указания на фигуру в игре как на игровую фигуру? И все равно можно сказать: «Я подразумеваю, что эту фигуру называют королем, именно фигуру¹⁶, а не тот кусок дерева, на который я указываю». (Узнавать, желать, запоминать и т. д.)

36. И здесь мы поступаем так же, как во множестве подобных случаев: поскольку мы не состоянием выделить *конкретное* телесное действие, которое называлось бы указанием на форму (в противовес, например, указанию на цвет), мы говорим, что соответствует этим словам *духовное* [умственное, интеллектуальное] действие.

Где наш язык предполагает тело и где оно отсутствует, там, можно сказать, есть *дух*.

37. Каково отношение между именем и именованным? – Что ж, каково оно? Рассмотрим языковую игру (2) или другую: там обнаруживается, в чем состоит это отношение. Это отношение может также состоять, среди многого прочего, и в том, что, услышав какое-либо имя, наше сознание рисует себе картину именуемого; и также состоит вдобавок в том, что имя написано на именуемом предмете или произносится, когда указывают на предмет.

38. Но именем чего выступает, например, слово «этот» в языковой игре (8) или слово «это» в наглядном определении «это называется...»? – Если не хотите сбить с толку, лучше всего вообще не называть эти слова именами. – И все же, как ни странно, слово «этот» названо единственным на свете *подлинным* именем; а все прочее, что мы называем именами, является таковыми лишь в неточном, приблизительном смысле.

Эта причудливая точка зрения возникла из стремления сублимировать логику нашего языка – если можно так выразиться. Надлежащий ответ таков: мы называем «именами» самые разные слова; само слово «имя» употребляется во множестве способов, которые совершенно различно соотносятся друг с другом; – но среди них отсутствует употребление слова «этот».

В общем-то, верно, что, предоставляя наглядное определение, например, мы часто указываем на именуемый объект и называем имя. И точно так же, предоставляя наглядное определение, к примеру, мы произносим слово «это» одновременно с указанием на предмет. И слово «это», и имя часто занимают одно и то же положение в предложении. Но сугубо характерно для имени, что оно определяется посредством указания «Это N» (или «Это называется “N”»). Однако разве мы даем определения: «Это называется “это”» или «Это называется “этот”»? Налицо связь с пониманием именованного как, если можно так выразиться, некоего таинственного процесса. Именование проявляется как причудливая связь слова с объектом. – И на самом деле осознаешь эту причудливую связь, когда философ пытается выявить отношение между именем и предметом, глядя на объект перед ним и повторяя имя или даже слово «это» бесчисленное количество раз. Ведь философские проблемы возникают, когда язык *пребывает в праздности*. И в данном случае мы вполне можем представить себе именование как некое чудесное

¹⁶ Каким образом слова «Это синее» в одном случае означают утверждение об объекте, на который указывают, а в другом объясняют слово «синий»? Что ж, во втором случае выражение на самом деле означает: «Это называется синим». – Тогда возможно в одном случае понимать слово «есть» как «называется», а слово «синее» как «синий», а в другом случае понимать «есть» как «есть»? Возможно также извлекать объяснения значений слов из того, что мыслится как сообщение о реальности. [Примечание на полях: тут кроется роковое суеверие.] Могу ли я произнести «Бу-бу-бу» и иметь в виду «Если не будет дождя, я пойду гулять»? – Лишь внутри языка я могу подразумевать что-то под чем-то. Это ясно показывает, что грамматика слова «подразумевать» отлична от грамматики «воображать» и т. п.

действие рассудка, словно крещение объекта. А еще мы можем *применить* слово «это» к объекту, как бы *обращаясь* к объекту как к «этому» – странное использование слова, несомненно присущее исключительно философии.

39. Но почему возникает желание превратить конкретное слово в имя, когда оно очевидно не является именем? – Причина в следующем. Человек поддается искушению опровергнуть обычное восприятие имени. Можно сказать так: *имя на самом деле должно обозначать нечто простое*. И этому возможно привести такие обоснования. Слово «Нотунг», скажем, является подлинным именем собственным. Меч Нотунг¹⁷ состоит из частей, соотнесенных между собой особым способом. Если их соединить иначе, Нотунг исчезнет. Но ясно, что предложение «У Нотунга острое лезвие» имеет смысл независимо от того, цел ли Нотунг или сломан. Но если «Нотунг» – имя объекта, этот объект перестает существовать, когда Нотунг ломают на части; и поскольку никакой объект уже не сопоставлен имени, оно утратит значение. Но тогда предложение «У Нотунга острое лезвие» содержит слово, которое лишено значения, а следовательно, само предложение не имеет смысла. Однако оно имеет смысл; значит, должно быть нечто, всегда соответствующее словам, из которых состоит предложение. Таким образом, слово «Нотунг» должно исчезать при анализе смысла, а его место займут слова, именуемые нечто простое. Разумно назвать эти слова подлинными именами.

40. Давай для начала обсудим *это* положение нашего довода: слово не имеет значения, если ему ничто не соответствует. – Важно отметить, что слово «значение» используется вопреки нормам языка, если его употребляют, чтобы обозначить нечто, «соответствующее» слову. Иначе: обозначение имени смешивают с *носителем* имени. Когда г-н N. N. умирает, говорят, что умер именно носитель имени, а не значение. И бессмысленно утверждать второе, ведь если бы имя утратило значение, не имело бы смысла говорить «Г-н N. N. умер».

41. В § 15 мы ввели имена собственные в язык (8). Теперь предположим, что инструмент с именем «N» сломался. Не зная этого, А подает Б знак «N». Имеет ли в данном случае этот знак какое-либо значение? – И что делать Б, когда он получает этот знак? – Мы не решили, как тут быть. Можно было бы спросить: что Б сделает? Что ж, возможно, он будет стоять в растерянности или покажет А обломки. Здесь могут сказать: «N» утратило значение, и это выражение следует понимать так, что знак «N» невозможно дальше употреблять в нашей языковой игре (если мы не дадим ему новое значение). «N» также мог утратить значение, поскольку, по любой причине, инструменту дали другое имя, и знак «N» больше не используется в языковой игре. – Но можно представить и некое соглашение, по которому Б

¹⁷ Нотунг – известный в германо-скандинавской мифологии и эпосе под разными именами (Нотунг, Грам, Бальмунг) меч, выкованный богом-кузнецом Велундом и в конце концов доставшийся по наследству герою Сигурду. Любопытно, что в английском переводе работы Витгенштейна Нотунг – видимо для удобства читателей – заменен на Эскалибур, меч короля Артура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.